

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРИБОЩЕНИЕ К ЛЮБВИ ИЛИ СВОБОДА ХРИСТИАНСКОГО ДУХА

Оглавление

Предисловие

Глава первая. Ложная свобода

Глава вторая. Целомудрие - основа нравственности

Глава третья. Лики молодости

Глава четвёртая. Стяжание духовности

Глава пятая. Горные будни

Глава шестая. Пробуждение духа

Глава седьмая. Молитва на Памире

Глава восьмая. Свобода - это богоподобное сознание

Глава девятая. Через крест - к свету

Глава десятая. Афон и Симеон Новый Богослов

Глава одиннадцатая. Приобщение к Любви. Один эпизод.

Глава двенадцатая. Заметки о Любви

Заключение. Заметки о Спасении

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПРИБОЩЕНИЕ К ЛЮБВИ. ОДИН ЭПИЗОД.

Перед каждым человеком постоянно встаёт выбор: держаться ли собственного ума, в котором живёт зло, или избрать Бога, в Котором живёт Любовь, ибо Любовь - другое имя благодати, которой «всякая душа оживляется и чистотою возвышается, просветляется Тройческим Единством в священной тайне».

Понимание этого действия умом не даёт опоры ни душе, ни сердцу, поэтому нам следует в молитве и созерцании постичь то, что уразумел ум.

Суть святости и благодати - единство всеобщей Любви и сострадания, тогда как суть греха и смерти - повсеместное проявление ненависти и ожесточения.

Постичь всем сердцем, что каждый ближний, кого бы мы не встретили на жизненном пути, равнозначен Христу, равнозначен Любви - это преображение сердца и ума. Такая любовь начинается с покаяния и заканчивается совершенством Спасения - это есть наше обновление и просветление во Христе, оживление в Нем нашей души Божественной благодатью. Путь к Небесной благодати ведёт нас вверх по земным ступеням - нелёгким ступеням служения ближнему, но эти ступени возводят сердце человеческое в иное, духовное состояние, состояние приобщения к Божественной Любви.

Инфаркт

Чтобы рассказать об одном эпизоде, это надо целую жизнь изложить. Если я что-то упустил, пусть мой рассказ дополнят Фиваидские отцы. Постараюсь, как могу, объективно излагать факты, чтобы описать самое главное, на мой взгляд. На Новую Фиваиду я приехал из Питера и прожил на ней послушником более десяти лет, последние годы - иноком, с благословения настоятеля Русского монастыря архимандрита Иеремии. Послушание мое обычное: чтение богослужебных книг и Апостола на службах, уборка помещений, стирка белья, поливка сада. Но, в основном, мне доверено братством производство ладана и подбор ароматов. Когда Бог помогает, всё как-то само собой получается. На наш ладан от людей жалоб нет, ведь мы делаем его как для самих себя. Отцы и братья тоже утешаются на службе, когда батюшка совершает каждение Фиванским ладаном. Он, бывало, пошутит:

- У тебя, отец Геннадий, ладан пахнет, словно цветы весной!

Незадолго до этих событий наш старец сильно разболелся, не чая выздороветь

и положась в болезни на волю Божию. Мы все помогали ему, чем могли. До этой болезни батюшка, общаясь с духовником монастыря, неоднократно осведомлялся у него о возможности монашеского пострига насельников Новой Фиваиды. А тут, вдруг, позвонили из канцелярии: пусть эконом Фиваиды привезёт наши прошения на постриг. Старец, переживая из-за того, что может не выздороветь и умереть, оставив нас без монашеской благодати, поехал, преодолевая болезнь, к духовнику с этими прошениями.

Отец Меркурий, опытный и проницательный монах, увидев его болезненный вид, покачал головой и, не откладывая, принял бумаги, пообещав решить этот вопрос на ближайшем духовном соборе. Обнадеженный этим обещанием старец, смиренно испросив у духовника молитв, вернулся на Фиваиду совсем больной. Он ещё долго болел но, по молитвам всех знающих и любящих его, вновь восстал с одра болезни милостью Господа, «венчающего милостью и щедротами». Окрепнув, батюшка собрал рюкзак и уехал на пустынную келью, поскольку считал, что уединенные молитвы - самое лучшее лекарство для монаха.

Конечно, трудно говорить о том, что чувствуешь, поэтому расскажу о случившемся, как умею. Однажды, когда погода уже повернула на зиму и сильно похолодало, утром, за день до сердечного приступа, я вышел из кельи на братские послушания, закончив свои молитвы. Плохо я почувствовал себя ещё за день, пропалывая цветник. На нем батюшка, когда ещё был крепок и не болел, посадил розы для Матери Божией.

После прополки прилёг в келье и не пошёл на обед: сильная боль отдавала в спину и немели руки и ноги. Все тело было в холодном поту. Так промучился весь день. На ночь выпил две таблетки нитроглицерина и стало не так мучительно больно. Однако ночь не спал, просто терпел боль и старался молиться, потому что утром была Литургия. На службе с великой радостью причастился и сил прибавилось.

Причастившись, сразу позвонил в монастырь доктору. Он обеспокоился и сказал, что надо приехать. Решил поехать на лодке сам, чтобы никого не тревожить. Предупредил «папашу» (между нами так мы называем отца Виктора), который возился с бензопилой, что еду в обитель к доктору, и начал потихоньку спускаться по тропе к морю. Возле большой сосны, примерно на половине спуска, снова почувствовал себя плохо и из последних сил позвонил товарищу, чтобы он помог добраться до монастыря. Еле спустился и там без сил присел на камень на причале.

Начал накрапывать мелкий дождик. Неожиданно у меня потемнело в глазах. В сердце возникла острая боль. Стало больно, потом очень больно. Я начал задыхаться и не знал, что делать. Хотел позвать Виктора и не смог. Изнемогая от боли, попытался прислониться к стене, шепча молитву: «Матерь Божия, помоги мне!» Голова закружилась и я упал без чувств. Последнее, что помню - это капли холодного дождя на своем лице...

Отец Виктор

Послушником я трудился ещё с того времени, как батюшка Фиваиду получил. А иереем после сделался, с батюшкиного благословения, примерно за год до случая с отцом Геннадием. Послушание моё простое: братию накормить, а все остальное: огород сад, ремонты, электрика, трактор и лодка - только успевай поворачиваться. Отдыхать и то, бывает, некогда! Хорошо, когда паломники помогают, а то все больше сами, кто что умеет.

В то утро, помню, отслужили мы Литургию. Причастился отец Геннадий -

совсем больной! - и пошёл звонить в монастырь врачу. Прибежал я с нашего огорода, чтобы чай поставить, да завозился с бензопилой, наладка потребовалось. Нашёл меня Геннадий и говорит:

- «Папаша», - (меня меня все «папашей» кличут по простоте, потому что у меня жена дома осталась, а сына я устроил здесь, в самой Греции, в церковную школу),- извини за беспокойство, надо мне к доктору поехать. Нехорошо себя чувствую...

- Ладно, - говорю ему. - Может мне тебя подбросить на лодке в монастырь?

- Не надо, - шепчет он слабым голосом, - постараюсь сам доплыть...

- Помоги тебе Господи! - отвечаю, - если что, звони...

Только я наладил бензопилу, вдруг - звонок!

- Отец, спускайся вниз и помоги мне с лодкой...Прости, что тебя от дел отрываю...Что-то очень плохо стало...

Ну и дела! Я сильно разволновался. Бросился со всех ног вниз по тропе к морю. А сверху хорошо видно, что кто-то лежит на причале. Неужели отец Геннадий? Кому же ещё там лежать? Даже страшно стало: «Не дай Бог, если помер!» На Фиваиде в тот момент были только он да я. Старец находился в горах в уединении, протоиерей Александр, который впоследствии стал иеромонахом Трифоном, матушку свою в Москве хоронил. И молюсь на бегу: «Господи, спаси и помоги!» Прибежал вниз, глянул: другу моему совсем плохо: лежит, как мертвый, и лицо у него, словно лист серой бумаги. Что делать?

Пришлось долго бороться, чтобы спасти его. Сначала попытался сделать ему искусственное дыхание: руки разводил, и давил ими на грудь - ничего не помогает, не дышит человек. Вдобавок ещё, должно быть, грохнулся он на бетон, как бы не убился! Уже по мне пот, вместе с каплями дождя, течёт, а толку не вижу от своих трудов. Долго отец Геннадий не приходил в сознание. Взмолился я Пресвятой Богородице о товарище своем и изо всех сил ударил кулаком по его груди, там, где сердце, и ещё, и ещё! Прямо как будто Господь надоумил! Вот тут только признаки жизни появились: лицо инока поморщилось от боли, начал он открывать рот, потом стал ровнее дышать. А говорить не может. От удивления и радости, что товарищ ожил, я сам не мог произнести не слова.

Приподнял я ожившего друга, посадил его поближе к стене. Звоню протоиерею: так, мол, и так, у товарища нашего, похоже, удар был. Еле откачал его, теперь, вроде, слабо, но дышит. Боюсь, умрет на причале меня на руках! Чем ему ещё помочь?

- Да чем ты сейчас ему поможешь? - Отец Александр, слышу, сильно разволновался. - Гони скорей с отцом Геннадием в монастырь, пусть там врач посмотрит, у него должны быть лекарства! А я, как закончу дела с похоронами, постараюсь тут же прилететь. И надо ещё старцу сообщить обо всём, что у нас творится. Пусть помолится...

Спустил я на воду лодку, а Геннадий уже очнулся и даже пытается сам за руль сесть. А мне шепотом говорит:

- Виктор, сообщи батюшке, что я заболел...

- Хорошо, передам, - отвечаю. И спрашиваю:

- А ты сам как себя чувствуешь?

- Чувствую, что пока живой...- шепчет. - Только сердце очень болит...

Укрыл я больного плащом, встал за штурвал, и помчались мы по волнам, сквозь дождь и ветер. Домчались в монастырь двадцать километров по ветру, как пуля. Монастырский доктор не долго нас держал: сразу определил у отца Геннадия обширный инфаркт и рекомендовал быстрее отправить больного в

ближайшую больницу, уверяя, что наш инок может в любую минуту помереть.
- Не понятно, как он ещё живет! - так и сказал.

Договорился монастырский доктор с Полигиросом, районным центром, что пришлют санитарную машину на границу Афона в Уранополис, а нам, значит, нужно обратно плыть, а это ещё тридцать километров по волнам. Назад, против холодного ветра, нас потрепало сильно, но всё-таки приплыли. Не знаю, как отец Геннадий такую тряску вытерпел.

В Уранополисе нас ждала санитарная машина с докторами. Попрощались мы с отцом Геннадием, и увезли его в больницу неподалёку, в областной городок. Там он ещё несколько дней промучился. Я ездил к нему и причащал Запасными Дарами, пока не забрали его доктора в Салоники по просьбе наших друзей. А дальше другие события развернулись. О них вам отцы сами расскажут.

Протоиерей

На Святую Гору я прибыл, как протоиерей, уже после отца Геннадия. Отпустили меня в епархии, прямо скажу, чудом! Дома тоже никто не был против, слава Богу! Присмотрелся к Фиваиде, душа сильно к ней расположилась, и решил там остаться, благодаря Бога за чудесный его Промысл и помощь Пресвятой Богородицы. Хотя борода была уже, как говорится, бела, но я с великой радостью взялся за послушания. Изготавливал ладан с иноком Геннадием, занимался ремонтами с тогдашним послушником Виктором, служил поочерёдно Литургии со старцем, но больше всего полюбились мне послушание, связанное с изданием книг Новой Фиваиды.

Свои церковные обязанности в миру я передал сыну-священнику, обретая свой дом и келью в обители Матери Божией. Устав и распорядок прежде живших на Фиваиде отцов и братий пришелся мне по сердцу, как и все братство вместе со старцем. Здесь, заодно с молитвой, я с головой окунулся в восстановление фиваидских храмов, корпусов а также библиотеки. То, что меня отпустили в епархии, разрешив уехать на Афон, до сей поры почитаю за чудо, как и каждый день, проведённый на Новой Фиваиде.

С того времени я остался на Святой Горе заштатным протоиереем, молясь и ожидая год за годом благословение от монастырского начальства, чтобы сподобиться монашеского звания. Однако, вследствие различных нестроений в обители, это дело каждый раз откладывалось, становясь все более неопределённым, как говорится, «после дождика в четверг». Поэтому все упование возложил я на Господа и Пресвятую Богородицу, поскольку отец игумен, находясь в преклонном возрасте, на мои прошения отвечал: «Как духовный собор решит...», а духовной собор всякий раз откладывал решение: «не знаем, как правильно клириков оформлять, подождите решения Кинота...» Старец продолжал хлопотать, но дело наше никак не двигалось.

Все бы хорошо, но в жизни, как водится, порознь ничего не происходит, а если что-то случается, то все сразу, по известной поговорке: «пришла беда, отворяй ворота». Пока я год за годом ожидал монашеского пострига от монастыря, матушка моя разболелась, приняла монашество с именем Таисия из рук нашего духовника и скоропостижно скончалась монахиней, опередив меня. Царство ей Небесное! Похоронил я монахиню Таисию, для чего отлучился на это время с Фиваиды. Но сидеть в Москве, когда душа ноет и скорбит, оказалось совсем невмоготу. Поэтому, отслужив по усопшей, что положено, собирался вернуться в свою келью на Святой Горе, надеясь в молитвах обрести душевный покой и стараясь поминовениями помочь матушке водворится в Небесных обителях, «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни

воздыхание, но жизнь бесконечная».

Когда в то злополучное утро позвонил с причала отец Виктор (к тому времени он уже стал иереем с благословения старца) и, тревожась, передал, что инок Геннадий умирает, я не мог поверить его словам: «Две смерти подряд мне не выдержать!» - мелькнуло в моем уме. Из-за плохой связи пришлось кричать в телефон:

- Слушай, « папаша», не теряй времени! Вези больного срочно в монастырь, а я с батюшкой свяжусь! Постараюсь прилететь ближайшем рейсом...

Затем начал дозваниваться до старца. В горах связи нет, звонил долго, но всё-таки пробился, изложил обстоятельства дела.

- Скоро буду, - услышал я его голос и обрадовался. Пока дозванивался, Отец Виктор сообщил, что нашего товарища отправили в областной городок Полигирос. Когда спешно прибыл я на Фиваиду, встретил меня «папаша» и сказал, что старец уже вместе с отцом Геннадием в клинике, в Салониках. Только тогда отлегло от сердца...

Однако все же попенял Виктору:

- Как же ты отпустил друга одного? Ты разве не видел, что он совсем больной? А вдруг его удар схватил бы прямо в море?

- А я подумал, что он, вроде, ничего...- сконфузился тот, скребя затылок.

- Вроде, вроде, в огороде...- я хлопнул его по плечу. - Слава Богу, что ты на причал вовремя подоспел!

- Это точно! - ответил отец Виктор! - Теперь, дай Бог, чтобы все обошлось!

Битва за жизнь

Постепенно я начал приходить в себя и ощутил, что лежу на холодном бетонном причале. Лёжа в полузабытьи, я чувствовал, как мелкий дождик сыплется сверху. Надо мной склонилась испуганное лицо «папаши»:

- Геннадий, Геннадий, очнись!

Он подтащил меня к стене и усадил, чтобы мне можно было отдышаться.

Внутри было очень плохо. В сердце засела острая, как бы правильной сказать, - словно ноющая боль. Отец Виктор невдалеке торопливо начал спускать лодку на воду. Затем подбежал ко мне:

- Едем к доктору в монастырь! Как ты себя чувствуешь?

Говорить мне было трудно. С усилием я поднялся и полез в лодку к штурвалу, чтобы править самому, как обычно. Но «папаша» заботливо усадил меня рядом на скамью и старательно укрыл плащом. Дальше помню все смутно: трясло сильно, особенно когда мчались обратно из монастыря. Монастырский врач понял все с одного взгляда. Сделали кардиограмму и определили обширный инфаркт. Вызвали врача из Кариеса, дозвонились в Полигирос, чтобы они прислали в Уранополь скорую.

Туда меня доставили на санитарный машине и положили в реанимацию, подключили к шлангам. Потом приступили к анализам, дали каких-то лекарств и я уснул. Потом приходили, давали таблетки. Три дня совсем не вставал. Отец Виктор приезжал, причащал, спаси его Господи!

Приехали наши друзья из Салоник - русский Сергей и грек Костас. Посмотрели, посоветовались и нашли хорошую лечебницу в Салониках и знакомого врача - грека Федора. Затем перевезли в клинику. Там врачи сделали мне коронографию и сразу стали настаивать на немедленной операции. Накачали меня таблетками и я, утомившись от всего этого, заснул до утра.

Проснулся рано. За окном солнышко светит, прямо в мою больничную палату.

После осмотра и приема лекарств пропустили ко мне батюшку. - «Слава Богу, -

подумалось, - теперь я не в одиночестве среди этих белых халатов». Батюшка предложил мне тут же, не откладывая, посоветоваться, убеждая, что это самая лучшая помощь. Я с радостью согласился. В это время зашёл хирург и очень решительно стал вводить нас в курс дела:

- Больному необходима, я подчёркиваю, необходима срочная операция! То, что он ещё живёт, просто невероятное исключение из всех правил. У него произошла закупорка главных артерий и пациент должен был умереть, но кровь неожиданно пошла по мелким сосудам. Поэтому сердце снова начало работать...

- А какую операцию вы предлагаете? - старец говорил тихо, крепко держась за спинку моей больничной койки.

- Вскроем грудную полость и прооперируем сердце. Больной - человек крепкий, должен выдержать!

- После операции насколько он будет здоров? - батюшка старался поглубже вникнуть в мою проблему.

- К сожалению, таким здоровым, как раньше, он не будет. Поживёт инвалидом...

- Есть ли другие, более щадящие способы лечения инфаркта?

- В нашей клинике других методов нет.

- Позвольте нам немного помолиться, подумать и посоветоваться с близкими? - Не отступал старец.

- Это можно, только времени до операции вас немного! - сурово сказал доктор и вышел. Мы с батюшкой посмотрели друг на друга. Должно быть, на моем лице поступили тревога и неуверенность, потому что старец твёрдо сказал, доставая из рюкзака церковные принадлежности для чина Елеосвящения:

- Нам нужно все разузнать у знакомых врачей в Москве, есть ли ещё какие-либо варианты операции? А сейчас не будем терять времени! Давай приступим к соборованию...

После соборования мне стало значительно лучше и мы начали звонить в Москву нашим знакомым. Выяснилось, что существует метод, называемый «шунтирование», когда ребра не пилят и сердце не останавливают, а вводят в сердечную артерию специальную трубку. И делает это в Германии, но операция дорогая, и нужно некоторое время, чтобы всё это выяснить.

В этот момент в палату стремительно вошёл хирург и приказал ассистентам готовить меня к немедленной операции. Видя, что я заколебался, старец снова крепко схватил спинку кровати и не отпускал её. Хирург, с трудом сдерживая гнев, на повышенных тонах заявил, что больного требуется срочно везти на операцию.

На помощь к нам пришёл снова наш знакомый из России, Сергей. Он сразу встал на нашу сторону, прося хирурга дать монахам отсрочку для операции. По-видимому, он нашел убедительные доводы в виде финансов, потому что суровый доктор резко изменил тактику и теперь благосклонно отпускал меня из клиники, заверяя, что пока на лекарствах неделю-другую ещё можно потерпеть. Батюшка начал беседовать со мной в больничной палате:

- Отец Геннадий, сам видишь, насколько жизнь ненадёжна, и мы можем утратить ее в один миг. Давно сказано, что это это «, пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак.4:14). Поэтому не теряй времени, звони отцу игумену, расскажи в чем дело и проси благословения на монашество....

Не знаю откуда, в душе сразу появилась решительность. С нескольких попыток мне удалось связаться с келейником архимандрита Иеремии. Игумен тоже лежал больной в Салониках, но в другой больнице. Келейник передал мою

просьбу престарелому настоятелю. Ответ пришел удивительно быстро:

- Отец игумен благословил постриг иноку Геннадию!

Не веря происходящему, мы вышли из больницы на свежий воздух и там облегчённо вздохнули. В тот же день мы вернулись на Фиваиду, где нас встретили радостные отец Александр и отец Виктор. В храме святых апостолов Петра и Павла старец обратился к нам:

- Отцы и братия, Бог дал нам время, очень нужное для самого важного. Важнее, чем монашество, нет ничего в этом мире. Готовьтесь к монашескому постригу: и отец Геннадий, и отец Александр! Пока отец Геннадий ещё жив и отец Александр, похоронив матушку, понял, что держаться за этот мир нечего, вам нужно стать монахами...

Мои благодарные молитвы Пресвятой Богородице были в тот день особенно горячи...

Монашеский постриг

Радость за собрата и решительное благословение старца, вдохнули крепость в мою душу:

- Батюшка, у меня отношения с духовным собором монастыря прежние, но, если вы благословляете, спросить их ещё раз насчёт моего пострига?

После недолгих переговоров сначала с игуменом, а потом с членами духовного собора, я вернулся с известием:

- Отец игумен сказал, пусть решит собор...А доверенные монахи из духовного собора советуют не тянуть и принять монашество на Фиваиде. В данное время монастырь не может утвердить клирика из России без разрешения от греков, но отцы предполагают, что после они, возможно, придумают, как это оформить официально...

- Ну, что ж, тогда готовьтесь к монашескому пострижению сегодня ночью! - без колебания ответил старец. В моё сердце пришла тихая тёплая волна благодарности к Матери Божией: впервые за время после домашних похорон, я почувствовал, что у меня началась новая жизнь, жизнь без оглядки на прошлое. Монашеская жизнь - поститься и молиться по Фиваидскому уставу, очень похожему на устав старца Иосифа Исихаста, о котором тогда только начали выходить в России первые книги, сильно привлекала моё сердце. Кончина монахини Таисии стала мне примером праведного отшествия в мир иной, и мое решение всецело отречься от этого мира было безоговорочным.. В глубине души я чувствовал, что поступаю правильно и способен не пожалеть о принятом решении.

Монашеский постриг при свечах и тихом благоговейном пении послушника, а также особая торжественная обстановка в храме во время ночной Литургии - всё это чрезвычайно умилило наши сердца. При наречении монах Геннадий сохранил свое иноческое имя, а меня батюшка нарек Трифоном, в честь святого мученика, который «сокрушил демонов немощные дерзости». В своем поздравлении старец сказал:

- В вашем постриге оправдалась мудрая поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» На Святой Горе, чтобы принять монашеский постриг, нужно или инфаркт перенести, или чтобы кто-то из близких скончался. Вы омыли скорбями свое пострижение в монашество, храните же его в чистоте и смирении. Имея надежду на Царство Божие, «радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений», - по слову святого апостола Петра! (1Пет.1:6). А тебе, отец Трифон, вместе с отцами и братиями, желаю Божией помощи в скором восстановлении фиваидского храма в честь святого

мученика Трифона!

Три ночи мы с монахом Геннадием провели в алтаре, где усиленно молились, совершая поклоны у Святого престола. Когда мы исполнили все, что нам было повелено, благодатное чувство родства с Фиваидой и друг с другом во Христе вошло в наши души и объединило их навсегда. Именно оно поддерживало нашу мирную молитвенную жизнь на протяжении всех последующих лет.

Я все не решался спросить батюшку о том, почему в нашем монастыре так сложно с монашеством? Кто в этом виноват?

- Никто не виноват, - сказал старец. - Никогда не нужно искать виноватого.

Виной всему то, что создает препятствия в нашей жизни, - лишь наши грехи!

- А разве демоны не могут вызывать препятствия?

- Они могут это делать, но только когда и насколько попустит Бог, желая исцелить нас покаянием в наших грехах. У бесов, обычно, для этого существуют три хитрости: отвлекать, мешать и пугать. Начале они пытаются отвлечь наше внимание от Спасения, затем мешают делать необходимые добрые дела, ведущие к Спасению, и, в конце концов, пугают, показывая устрашающие видения, чтобы отвратить нас от Спасения.

- Что же делать монахом в таких случаях?

- Никогда не приходите в отчаяние даже в самых безвыходных обстоятельствах и во всем уповать на волю Божию, пребывая в посте и молитвах...

- Батюшка, тяжелее всего переносить, когда люди начинают восставать и клеветать... Это же глупость! Как с нею бороться?

- С глупостью не борются, - сказал старец, - она изживает себя сама...

На третий день из Москвы передали, что в Германии нашему товарищу можно сделать безболезненную операцию на сердце, называемую «шунтирование», если найдутся деньги, которых у нас, к сожалению, не было. Некоторое уныние уже собиралась проникнуть в наши души, как вдруг неожиданная новость обрадовала и изумила всех нас. Давний московский друг Евгений предложил свою помощь, обещая устроить монаха Геннадия в одну из специальных клиник в северной Германии. Он уже помог однажды одному батюшке, отправив его к знакомому русскому хирургу, опытному и знающему свое дело кардиологу, работающему в этой клинике.

Мы принялись благодарить нашего доброго помощника, на что он (благородная душа!) ответил:

- Не стоит благодарности, отцы! Помогаю мне ради неё, а ради Христа!

Собирайтесь завтра лететь в Германию. О самолёте сообщу позже, дайте срок...

После братской, на скорую руку, трапезы мы все задержались на нашей кухне: хотелось поговорить со старцем обо всем что мы считали самым важным.

Свалившаяся на всех беда, случившаяся с отцом Геннадием, взволновала наше братство. Сам собой возник вопрос: как нам сохранить Фиваидское монашеское единство? Его я и задал батюшке.

- Отец Трифон, дорогие отцы и братия, времени у нас в обрез, поэтому будем говорить кратко и о самом главном, - сказал старец. - Как нам заповедовал отец Кирилл, вы знаете: хранить мир между собой. А том, каким образом его хранить, поделюсь из опыта. Существует во всяком братстве невидимый духовный закон, назовём его законом «крайнего». Как бы ни были хороши монахи и послушники, однако всегда есть «крайний», от которого все молча хотели бы избавиться. Таково действие лукавого...

- А как это действие проявляется? - Не удержался «папаша». Добрый взгляд старца обратился к иерею:

- Проявляется, отец Виктор, это так: избавляются от от одного «крайнего», и затем снова находится следующий «крайний». И таким образом идёт разрушение монашеского единства...

- Отче, наблюдая за Афонской жизнью, с недоумением, бывает, приходится видеть, как в скитах объединяются двое или трое против одного, меняясь, иной раз, местами. Нам всем желательно укрепить наше братство, каков же путь к такому укреплению?

В этом вопросе, вырвавшемся из моего сердца, как будто соединились все наши недоумения. Монах Геннадий, углублённо слушавший батюшку, согласно кивнул головой.

- Путь к такому укреплению, отец Трифон, прост: с любовью и терпением смиренно нести немощи каждого ближнего, и тогда в братстве не будет «крайних»! Никого не следует отрезать от общения и, тем более, с раздорами и последующими обидами кого-либо изгонять! Да избавит нас Господь от подобных действий... На Святой Горе говорят: «Матерь Божия привела человека и Она же заберёт его, когда это необходимо!» Поэтому, если Бог решит внести изменения в братство, то они произойдут во благо каждой души, утверждая всех в мире и любви. Так совершается Спасение: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20).

Тогда, в день нашего пострижения, со всей ясностью и определённостью, в моей душе как будто все прояснилось и встало на свои места. Весь доафонский период моей жизни предстал перед глазами не как завершение духовного роста и успешной церковной карьеры, но как подготовка к новому этапу глубокого осознания своего Спасения среди отцов и братьев Фиваиды. Эти события и беседы стали началом благодатного возрастания подлинно духовного родства с каждым насельником Новой Фиваиды, в действительном приобщении наших душ к Христовой Любви...

Вечером мы проводили монаха Геннадия и батюшку к лодке. Прощаясь с нами, старец сказал иерею:

- Отец Виктор, спасибо тебе, что спас отца Геннадия!

- А что я такого сделал? - искренне удивился он, поправляя замасленной рукой сползающую на затылок вязаную шапочку.

- Хорошо бы тебе поступить заочно в семинарию! - продолжал духовник - Надеюсь, что Пресвятая Богородица поможет тебе в учебе!

- Благословите, отче! - ответил воспрянувший иерей. - Эта мечта давно уже в моей душе хранится, спаси вас Господи!

Монах Геннадий с удивлением посмотрел на него:

- Одобряю!

Я молча пожал будущему семинаристу руку. На мой взгляд, решение старца было очень удачным. Мне посчастливилось отвезти отцов в Салоники, где им нужно было заночевать в гостинице, чтобы улететь утром в Германию. Пока мы ехали, чувство особой спаянности и духовной близости, родившееся среди нас, не покидало меня. При расставании слова старца попали мне в самую душу:

- Отец Трифон, как ты полагаешь? Чем больше мы живём, то искушений становится больше или меньше?

- Конечно, больше, отче!

- Значит «умножается Христом и утешение наше», по слову Апостола!

Согласен?

- Согласен, батюшка!

- Поэтому береги душу свою в монашестве, заново «рождённую от духа»!

- Благословите, отче!

Мы расстались с ощущением нового, удивительного и незабываемого поворота в нашей духовной жизни. В этом совместном монашеском опыте созидания братства по духу угадывались начатки той истины Спасения, истинной Любви, ради которой радостно жить и не страшно умереть. Каковы бы ни были духовные плоды многочисленного Афонского монашества, русских, греков, сербов или болгар, живущих в монастырях или подвигающихся в многочисленных кельях и каливах Афона, этот удивительно редкий, на мой взгляд, сплав безмолвной жизни, поистине братских доброжелательных отношений, а также молитвенной жизни, зародившейся на Новой Фиваиде, хотелось бы передать всем последующим поколениям монахов, которые придут на Афон после нас. Великое утешение для души - знать, как нужно жить, и великое счастье - увидеть, как нужно спасаться. Вот и всё, чем мне хотелось бы поделиться...

Операция

Прежде рассказа об операции попытаюсь рассказать о самом сокровенном, о том, чем стал для моей души монашеский постриг. Конечно, не изложить мне на бумаге то, что хранится в сердце. Написал, как смог, и понял, что чем дольше об этом думаю, тем сложнее будет выразить. Коряво, конечно. Надеюсь меня поймут и простят монахи...

Первый раз на Афон я приехал, когда мне было тридцать шесть лет. В своей жизни мне встречалась много хороших людей, но здесь я познакомился с Монахом. Прежде доводилось общаться с монахами, но не близко. На Афоне я повстречал необыкновенного человека. С ним легко, радостно, спокойно и в тоже время в нём какая-то тайна, любовь и свобода. Я увидел монашеский путь, у меня появился пример, я понял, каким можно стать, если быть рядом с этим человеком и уподобиться ему в духе Христовом.

Поэтому я стал его послушником. И потихоньку начал постигать монашеский дух, как бы правильнее сказать, не простой, не сложный, а просто - иной. Постоянное бдение, внимание, нерассеивание, знакомство с творениями святых Отцов. И самое главное - обучение через Евангелие, в котором каждый раз открывается новый смысл.

Через несколько лет старец благословил меня на иноческий постриг. Мне как-то само легло на душу то, что перед монашеским постригом совершилась моя генеральная исповедь за целую жизнь, в которой происходит отпущение всех прошлых грехов, и пришлось серьёзно готовиться в молитвах и посте к самому важному событию в жизни. И в этом - все то, чего жаждало мое сердце: когда старец даёт тебе монашеское, по силам, правило - в укрепление молитвенное, затем, когда он облачает тебя в самое лучшее и удобное, по моему разумению, монашеское одеяние - в укрепление духовное, и с любовью благословляет на пожизненное послушание - в радость душе и телу.

Наконец, наступило время монашеского пострига. Ждал, хотел, но все равно, неожиданно. В храме старец, я и ещё близкий человек. Тихо, торжественно, радостно, таинственно и, чтобы точнее сказать, - немного тревожно, потому что очень не хочется оступиться пред Богом и подвести духовника. Поэтому монашеские обеты принимаются добровольно, осознанно, честно. Помню все очень хорошо и главное - искреннюю радость за меня моего духовного отца... Три дня и три ночи в алтаре. Понимаю, что в жизни происходит что-то очень важное, как будто открываются двери в какой-то иной мир, для меня пока не совсем ясный, но родной. То, что раньше казалось важным и понятным: быт, плоть, мечты, воспоминания - перестало интересовать. Господь Иисус Христос

стал целью, о Нем хочется думать, с Ним быть, Им жить в покаянии, в Иисусовой молитве, с благодарностью Спасителю, Богородице, Святым, старцу и всем людям, помогавшим и помогающим мне в жизни - все это теперь со мной навсегда.

Все произошедшее со мной и утешало, и волновало. Утешало, что сподобился из рук старца принять монашеский чин, а от предстоящих испытаний голова шла кругом. Пришлось поднапрячь всю свою решимость, чтобы настроиться на поездку в чужую страну на предстоящую неизвестную операцию. Хотя в принятом решении не было никакого безрассудства, и я уповал на молитвы батюшки, трудно было рассчитывать на успех, не представляя, как все сложится. Думы и сомнения о том, что нас ожидает впереди, отвлекали от молитвы. Пришлось в тот вечер серьезно побороться за ними...

Ночевали и молились по чёткам мы в одной комнате вместе со старцем. Было тихо и почему-то очень светло на душе. Наверное, в ту молитвенную ночь сердца наши словно объединились во Христе, так я это чувствовал. Утром раздался звонок. Голос Евгения из Москвы звучал бодро:

- Отцы, благословите! В 10.00 вас будет ждать санитарный реанимационный самолёт. Прошу ваших святых молитв!

В маленьком двухмоторном самолёте мы прибыли в немецкий городок, где друзья Евгения устроили нас в гостинице. На следующий день начались мои «мытарства» в клинике, перед которыми рано утром мы причастились Запасными дарами. Батюшка был неотлучно со мной.

Операция была сложной, ее сделали за три раза, но прошла безболезненно и на удивление быстро. Русский хирург стал нашим другом и впоследствии мы принимали его, как паломника на Фиваиде. Удивляло то, что немцы просили батюшку помолиться о них. Забота о нас этих людей - не за деньги, а за совесть, трогала душу. В этом городке у нас появились новые православные друзья, с которыми дружим до сих пор. Все эти дни, даже не смотря на операцию и суету, на сердце было почему-то очень благодатный и спокойно:

- Батюшка, простите, а отчего так происходит? - Как-то, смущаясь, спросил я. - Словно мы не на моей операции присутствуем, а находимся в каком-то удивительном покрове благодати...

- Видишь ли, отец Геннадий, Любовь - непостижимая тайна до скончания века, - ответил он. - Когда наше сердце наполнено чувством любви, люди не могут не откликнуться на неё. Так было и будет всегда, ведь Любовь не одолеют врата ада...

Когда меня выписывали из больницы, доктор сказал, обращаюсь к батюшке: - Можете забирать своего друга, он теперь здоровее, чем прежде! - и кардиолог дружески потрепал меня по плечу.

Со старцем доктор попрощался с большим уважением. В завершение поездки наши друзья познакомили нас с городком Аахен, где в кафедральном соборе девятого века, построенном зодчими из Византии, хранится хитон Пресвятой Богородицы. В завершение нашего пребывания мы в последний раз причастились Запасными дарами. В карманах уже шуршали билеты на утренний рейс в Салоники.

Признаюсь, я ехал на операцию, подобно обречённому на заклятие, а возвращался полный благодати, умиротворения и счастья. Мне кажется, что старец чувствовал то же самое, что и я. Каждый день, проведённый нами, когда мы старались поступать согласно воле Божией, а не как заблагорассудится, стал моим самым удивительным духовным опытом, наполненным молитвой и благодатью. Непередаваемое ощущение - сродниться душами в духе

Христовом вызывало чувство огромной благодарности к Богу и старцу. Об этом эпизоде из моей жизни я никому не рассказывал, поэтому прошу меня простить за такую откровенность.